Александр Орфис
Повесть о поимании
Александр Орфис
Повесть о поимании

Александр Орфис

ПОВЕСТЬ О ПОИМАНИИ

Семь Искусств

Ганновер 2026

Орфис А. Повесть о поимании. 3. издание. — Ганновер:
Семь искусств, 2026—75 страниц
Обложка: Николай Дмитревский (1890–1938): «Путь»
Ксилогравюра к поэме Василия Каменского
(1884–1961)
«Емельян Пугачёв».

ISBN 978-1-3267-2673-7

Документально-фантасмагорические миниатюры

Посвящается Полине Лихтшайнхоф талантливой писательнице и прекрасному человеку

Незаметны, но значимы
В переулках бродят тени
Но не выдадут причины
Всех своих переплетений

Так блуждает век от века
Сонм неясный и затейный
Черных – что от человека
И зелёных – от растений

Полина Лихтшайнхоф

И нас опять пугает чёрт
Своим Малютой.
А время медленно течёт,
Но снова лютый.

Женя Беркович

Сто двадцать ударов

(Светлой памяти Александра Борисовича Ярославского и Евгении Исааковны Маркон-Ярославской)

Посвящается Полине Лихтшайнхоф – талантливому писателю и прекрасному человеку

А сердцу осталось
Сто двадцать ударов,
Сто двадцать ударов…

Виктор Серж «Полночь века»[1]

«Приговариваются к высшей мере социальной защиты!»

Вот и конец. Пистолеты заряжают. А каким было начало? Начало. Россия в начале двадцатого века. Христос и

[1] Опубликованный в 1939 году роман «Полночь века» описывает жизнь ссыльных советских оппозиционеров в начале 1930-х годов.

Антихрист,[2] символизм и акмеизм, Толстой и Репин. А приглядишься внимательно – дикий царь,[3] произвол, нищета и *союзники*.[4] В одной Одессе 700 евреев убили. И Лев Толстой не заступился, как его ни упрашивали.

А потом война. «Война до победы!», «Вторая Отечественная!», «За веру, царя и отечество!» А приглядишься внимательно – смерть, грязь, тиф и *союзники.* Казак старого еврея со смехом бил и медную монету ловить заставлял.[5] Навёл на мерзавца трёхлинейку[6]– он и удрал. Удрал, а потом донёс, что я из армии бежать собираюсь. Чуть не расстреляли, но тут революция подошла.

Революция. «Пролетарии России разорвали цепи рабства!» «Правдой против силы, боем против зла!» «За мир народов. На борьбу с буржуазией всех стран!» А приглядишься внимательно – смерть, грязь, тиф и *союзники*. Погромы хуже чем при царе.

---

[2] Название популярной в предреволюционной России исторической трилогии Дмитрия Мережковского.

[3] Дословная цитата Александра Ярославского

[4] В первых десятилетиях прошлого века это слово из-за «Союза русского народа» имело ещё одно значение – юдофоб, черносотенец, погромщик.

[5] Отсылка к сцене из «Доктора Живаго»

[6] То есть трёхлинейную винтовку Мосина

Земле исковерканной больно!
Довольно же крови, довольно![7]

Назад в Петроград!
А в Петрограде *ТЕБЯ* встретил.

Вся ты в бархат вечности одета,-
За тобой-хаос!
Обвивает голову планеты
Мягкий мрак волос…
Поцелуй медлительный и мудрый
Сладок до конца..
Бледной лунной прелестью запудрен
Весь овал лица…

Через три месяца я узнал, что тебе поезд ступни отрезал. А ты только и сказала: «Что значит потеря нижних конечностей, по сравнению с такою большою любовью как наша, – перед таким всеослепляющим счастьем, как наше?!»[8]

---

[7] Здесь и далее стихотворные цитаты из произведений Александра Ярославского

[8] Дословная цитата из предсмертной рукописи Евгении Маркон-Ярославской

И все же это было славное время… Время любви. Время поэзии, споров, лекций, путешествий.

Я шар земной
Хочу в себя всосать,
И выпить воздух весь,
И влаги океаны!

А ещё время надежды:

Вселенной захватчикам некогда нежиться
На пуховых перинах тоски –
Там, где дряхлое время чуть слышно забрезжится
Там – мы смерть загоняем в тиски!

А приглядишься внимательно – нас самих в тиски загнали. «Бессмертие«[9] закрыли и «Святую Бестиаль»[10] запретили. «Порнографические издания». Чем власть подлее, тем больше она мораль защищает.
А тут ещё с графоманом из «Безбожника»[11] поссорился. Я его вежливо попросил себе другой псевдоним подыс-

---

[9] Литературный журнал, издававшийся Александром Ярославский в 1922 году.
[10] Сборник стихов Александра Ярославского, опубликованный в 1922 году.
[11] Миней Губельман, взявший себе псевдоним «Емельян Ярославский»

кать – просто, чтобы нас читатели не путали. А он на меня в ОГПУ донёс. Сразу меня и тебя на Лубянку вызвали. «Валите из России на пароходе, вслед за говном нации».[12] Может и к лучшему. Россия дичает,[13] а художник должен и может быть прежде всего художником, а не покорным слугой режима.[14]

Сначала в Германию. Самая культурная страна в мире. Гёте и Шиллер, Кант и Бетховен.
А приглядишься внимательно – кризис, терроризм, реваншизм и *союзники*.

В Берлине Deutschnationale[15] еврейский квартал разгромили.[16] Что ещё устроят, если к власти придут? А ты – еврейка. Да, знаю – атеистка, материалистка, индивидуалистка, а все же еврейка. У них ведь по «расе» считается. Да и меня не пощадят. И не станут разбираться, что я вовсе не анархист, но анархиствующий литератор.[17]

---

[12] Намёк на «философский пароход» осенью 1922 года.

[13] Дословная цитата Александра Ярославского

[14] Дословная цитата Александра Ярославского

[15] Общее название нацистов и близких к ним ультраправых организаций. См. «В полосе ликвидации (Переписка между С.М. Дубновым и М.М. Винавером)» https://berkovich-zametki.com/2007/Zametki/Nomer7/Dubnov1.htm#note51

[16] Речь идёт о погроме в еврейском квартале Берлина в 1923 году. См. «Язык на стене» https://jewish.ru/ru/columnists/articles/196030

[17] В Берлине Александр Ярославский действительно так себя называл.

Потом во Францию. La belle France, le grande nation.[18] А приглядишься внимательно – нищета, упадок, отчаянье и *союзники*. Мало им было дела Дрейфуса.

«В закоулках всех коридоров, во всех комиссариатах, за всеми перегородками, между письменными приборами и корзинками для бумаг – истинный король: еврей.»[19]

Да ещё свои, «хорошие русские», из эмигрантов. В Красной Армии воевал? Ленина хвалил? Антирелигиозные лекции читал? Извинись, отрекись, покайся! А советский паспорт перед посольством сожги! Послал эмигрантов к черту, а они меня.

Может и к лучшему. Пусть я “блудный” сын Советской России, но все-таки я сын ее.[20] Да и не может русский литератор всё-таки, очевидно, без русского языка жить.[21] Прости, что тебя не послушал ... Прости, если сможешь …Назад в Россию! Расстреливаться?! ... А если не расстреляют ?![22]

---

[18] «Прекрасная Франция, великая нация!» (фрц.)

[19] Альбер Лондр (1884–1932), знаменитый французский журналист. См. Леон Поляков «История антисемитизма. Эпоха знаний

[20] Дословная цитата Александра Ярославского

[21] Дословная цитата Александра Ярославского

[22] Слегка измененная цитата Александра Ярославского: “Еду в Россию расстреливаться... А если большевики меня не расстреляют, —

Сразу не расстреляли. Тебя в ссылку, меня на Соловки.

«Совершается процесс коренного изменения психики людей, анархизированных своим прошлым; социально опасные превращаются в социально полезных, профессиональные «правонарушители» — в квалифицированных рабочих и сознательных революционеров.»[23]

А приглядишься внимательно – голод, холод, пытки и казни.
И ещё *союзники.* Как же без них? Его благородие бывший ротмистр Курилко старого еврея по лицу ударил.[24] Вылил на мерзавца парашу – он и удрал. Удрал, а потом донёс, что ты из ссылки бежала и мне побег готовишь.

«Приговариваются к высшей мере социальной защиты!»

Вот и конец. Пистолеты зарядили. Будем в земле соловецкой рядышком лежать, пока «дружеская рука Анаби-

---

тем лучше!”
[23] Дословная цитата из очерка Максима Горького «Соловки»
[24] См. Олег Волков «Погружение во тьму»

оза»[25] не воскресит. Все вспоминаю, как чахоточный интеллигент в пересыльном лагере напевал:

А сердцу осталось
Сто двадцать ударов,
Сто двадцать ударов,
Сто двадцать уда...

[25] Дословная цитата Александра Ярославского

В соавторстве с Полиной Лихтшайнхоф

ПОЕЗД
(Однажды во Франции)

Джуди Вайсенберг Коэн (Judy Weissenberg Cohen), историку, поэту и публицисту, бывшей узнице Освенцима и Берген-Бельзена (https://www.theverylongview.com/WATH/home.html) с глубочайшим уважением и преклонением посвящается

А как наши судьбы — как будто похожи:
И на гору вместе, и вместе с откоса!
Но вечно — по рельсам, по сердце, по коже —
Колеса, колеса, колеса, колеса!

Александр Галич «Поезд»

La France c'est fini![26] Погибла Франция! Разгромлена, повержена в прах, разодрана на три неравные части, сумма которых больше не равняется целому![27]

---

[26] Погибла Франция (фрц.)

[27] После поражения в 1940 году часть Франции (включая Париж) была оккупирована нацистской Германией, другая оказалась под контролем (заседавшего в Виши) коллаборационистского прави-

Но всё так же любезно и неспешно едет поезд на юг из *Gare-de-Lyon.*[28] И всё также дремлют в пути, читают газеты, шутят, смеются, невинно флиртуют жизнерадостные пассажиры. Только время от времени заходит в купе могучий *победитель* в новеньком мундире и тогда затихают голоса, бледнеют лица и вскочившие пассажиры – мужчины и женщины, взрослые и дети – как по команде указывают дрожащими руками на внезапно опустевшие сиденья. Но горделивый пришелец, не говоря не единого слова, окинет купе презрительным взглядом и пойдёт своей дорогой. И снова всё по-старому. Возвращается ветер на круги своя.[29]

Но на этот раз не победитель привлек внимание пассажиров, а *побеждённый*. Ветхая шинель в заплатах. Рваные, обмотанные бичевой, опорки. Грубый деревянный костыль, подпирающий длинное, тощее, неуклюжее тело. И неуверенный, почти заискивающий голос:

–Mesdames et Messieurs[30]…не найдётся ли тут свободного местечка?

тельства. Ницца и её окрестности (а также Корсика) достались фашистской Италии.

[28] «Лионский вокзал» (*фр.*) в Париже.

[29] Экклезиаст, 1:6.

[30] Мадам и месье! (фрц.)

– Огр![31] Мамочка, огр! – вскрикнул розовощёкий карапуз, бросаясь под защиту упитанной кумушки.

Побеждённый смутился ещё больше:

– Я … из плена домой возвращаюсь. – И вдруг звонко отчеканил – Капрал Рене Шевалье, сто двадцатый полк, семьдесят первая пехотная дивизия.[32]

– Ах какое облегчение[33] для вас! – сострила кумушка – Зато теперь враги шастают по нашей прекрасной родине и угоняют в рабство достойных людей за сомнительное удовольствие вернуть в наше общество таких, как вы.

– Я знал… я не хотел... меня штыком из лагеря выгнали…

– И в плен сдаваться тоже не хотел?! – откликнулся какой-то коренастый верзила.

---

[31] Людоед во французских сказках

[32] Полк, как и дивизия, были почти полностью уничтожены в бою в мае 1940 года.

[33] Облегчением (relève) называлось освобождение 100 000 французских военнопленных (в основном раненных и больных) в обмен на такое же число гражданских французов отправленных на принудительные работы в Третий Рейх.

– Мне под Седаном …осколками ногу раздробило…До сих пор хромаю. – пробормотал побеждённый, но его уже никто не слушал.

– А я ведь требовал за добровольную сдачу в плен на каторгу отправлять. И не я один.[34] Так, нет отказались, гуманисты проклятые! – процедил сквозь господин в пенсне, придававшем ему весьма интеллигентный вид.

– Да уж лучше сразу на гильотину! – подытожил благообразный и чистенький старичок.

Гнев вспыхнул в тёмных глазах побеждённого. Он поднял костыль как знаменосец древко и твёрдо шагнул вперед. Да, видно, неудачно наступил на изувеченную ногу и с глухим стоном шатнулся в сторону, почти рухнул на пол, но в последний момент успел опереться спиной на дверь купе.

От слабости у побежденного закружилась голова. Mesdames et Messieurs поплыли у него перед глазами, сливаясь в одну багровую массу. Вот, большой красный

[34] Авторская отсылка к недавно введенной статье статья 352.1 УК РФ.

дракон с семью головами и десятью рогами, и на головах его семь диадим.[35]

Побеждённый закрыл глаза, борясь с накатившей дурнотой, и тут почувствовал, как сбоку кто-то дергает его за рукав. Неужели им все еще мало? Побеждённый открыл глаза и увидел, что девочка-подросток, сидящая слева у окна, смотрит прямо на него большими карими глазами.

– Месье – сказала она негромко и (возможно ли это?!) без тени гнева или осуждения – Месье, садитесь на мое место. Я и мам*а* подвинемся, а пап*а* возьмет на руки Мишеля.

Рене неверящим взглядом уставился на девочку. Потом перевел глаза на ее родителей. Невероятно, но они не возражали. Мальчонка немного надулся и, кажется, собирался протестовать против пересаживания, но пап*а* шутливо дернул его за ухо и тут же нежно прижал к себе, подавляя возражение, а девочка сдвинулась на место брата, освобождая между собой и матерью кусок скамьи. Рене хрипло пробормотал:

[35] Апокалипсис 12:3

– Ну что вы мадемуазель, не надо!

– Ах бросьте, месье, вы же едва стоите на ногах. – устало и недовольно вмешалась мам*а*. Она при этом хмуро окинула взглядом пассажиров и каким-то образом Рене почувствовал, что ее недовольство относится к ним, не к нему.

Он тяжело опустился на предложенное место и тут же почувствовал, что и вправду вряд ли мог дольше оставаться стоять. Сидеть, какое же это счастье! Просто сидеть и дать отдых ноге. Расслабиться...

Симон плечом чувствовал соседа. Бывший солдат заснул, кажется, через пару минут после того, как сел. Но и спал настороженно, даже во сне держа голову прямо и не его бледном небритом лице не появилось расслабленного выражения, присущего спящим людям, оно оставалось все таким же сосредоточенным Симон скосил глаза на серые лохмотья мундира и с тревогой подумал, нет ли у парня окопных вшей. Впрочем, он ведь не сразу из окопа. А в лагере для военнопленных наверняка его самого и все его вещички обработали от мерзких насекомых. И вообще вся жизнь твоя летит в тартарары, а ты беспокоишься о таких пустяках, как вши, ключи от па-

рижской квартиры и потерянная было в предотъездных хлопотах, но вновь счастливо обретенная Мишелем плюшевая белка.

Симон тяжело вздохнул. Они и его семья содрали с одежды желтые звезды и запрыгнули в этот поезд, как утопающий хватается в бурю за хрупкий обломок, не спрашивая, куда понесет его по волнам. Поезд ехал из Парижа на юг. Но что ждало их семью там? Вишистское правительство готово было пойти на любые уступки победителям. Что уж говорить об охоте на евреев с последующей выдачей. Для *сотрудников*[36] это никакая не уступка, а, возможно, даже удовольствие.

Удастся ли им затеряться на юге? Четыре неуклюжих парижанина с печатью гонимых на лицах и паспортами на еврейскую фамилию... Положим, не самую еврейскую, но все же достаточно многоговорящую. Кого они смогут обмануть? Где укрыться? Допустим, Симон наймется пастухом где-нибудь в горах. И как это будет выглядеть? Он, со своими светскими манерами, ботинками, сшитыми для прогулок по бульварам, в каких только и поскальзываться на горных тропах. Рашель, со своими замашками жены адвоката и острым язычком? Даже

[36] Именно так (дословно) переводится французское слово «collaborateur»

если предположить, что ей удастся укротить свой нрав, ну какой дурак доверит Симону своих овец?

Откуда-то зазвучал «Va, pensiero».[37] Симон встрепенулся. А может быть попытаться пробраться в Ниццу – или сразу в Италию? Муссолини евреев не выдаёт – *пока* не выдаёт.[38] А итальянский язык я знаю.

Nel mezzo del cammin di nostra vita
mi ritrovai per una selva oscura,
ché la diritta via era smarrita.[39]

А вдруг по дороге заблудимся? Нанять проводников? А что если проводники сдадут нас победителям или же просто сами убьют и ограбят?

Весь ужас состоял в том, что, хотя не уехать им было нельзя, ехать им было некуда!

---

[37] «Лети мысль» (ит.). Хор пленных иудеев из третьего акта оперы Джузеппе Верди «Набукко».

[38] Депортация итальянских евреев в лагеря смерти началась осенью 1943 года.

[39] Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины
Данте Алигьери «Божественная комедия». «Ад». Песнь 1. Ст. 1-3 (Перевод Михаила Лозинского)

Кровь стучала в ушах в такт стуку вагонных колес. Нет, Симон не мог заснуть. А рядом спал Рене, дремала Рашель и вокруг ее рта выделялись совершенно новые трагические складки, вдруг сделавшие моложавую, еще красивую женщину, похожей на ее мать, и еще, удивительное дело, на мать самого Симона, депортированных из Парижа ещё месяц назад. Где они теперь?!

Спал и пухлый маленький Мишель, отрада отцовского сердца, и дышал невинной теплотой. А вот Жюли не спала. В ее сторону Симон не смотрел, но откуда-то точно знал, что ей, как и ему, не до сна.

Дочь все понимает, она так же как и он вслушивается в беспощадный стук колес. Там-тут-там-тут. Там смерть и тут смерть, там не спасения и тут нет спасения. И нет у Симона, взрослого и умного, ни слова утешения для его девочки, все, что он сможет ей сказать прозвучит беспомощно и пусто, лучше уж молчать дальше.

Несколько часов спустя поезд все так же тащился на юг. Рядом вдруг зашевелился попутчик, о котором Симон совсем забыл. Он улыбнулся какой-то домашней улыбкой. Выглядел Рене явно лучше, чем раньше. Сон пошел ему на пользу. А тут и Мишель встрепенулся и тут же

потребовал свою белку. А ухватив ее, во весь голос заявил о том, что они с белкой ужасно, просто ужасно проголодались. На пухлом лице проступило капризное выражение. Еще немного и Мишель опять начнет спрашивать, когда они вернутся обратно в Париж. А там и вовсе ляпнет то, о чем посторонним слышать не стоит.

Рашель, которой пришли в голову те же мысли, торопливо зашуршала пакетами в саквояже. Предложила и попутчику. Тот покраснел, забормотал, что у него с собой тоже есть еда. Некоторое время стороны пытались перещеголять друг друга в щедрости, потом смирились и совместно принялись жевать. У Симона совсем не было аппетита, но он послушно жевал что-то, что сунула ему Рашель.

После еды удовлетворённый Мишель свернулся на руках отца, как котенок, и снова задремал. О, счастливая пора, когда можно ни о чем не думать и не существует ни ответственности, ни страха перед будущем!

Симон уставился в окно, на небо, которое по мере продвижения на юг, казалось, на глазах наливается щедрой синевой. Вдруг до него донесся еле слышный, смущённый голос жены:

– Извините пожалуйста, что мы вам сразу место не уступили… Мы… не хотели привлекать к себе внимание.

А потом он услышал тихий, но ясный вопрос Рене:

– Вы… от депортации спасаетесь?

Симон побелел от ужаса. Что ты наделала, Рашель?! Он сразу донесёт сотрудникам, а то и самим победителям. А вдруг не сразу? Не помчится же он их выдавать. Раненая нога не позволит. Симону вдруг стало стыдно думать плохо про незнакомого человека. Впрочем нет, не стыдно. Он имеет право так думать. Весь мир против них. Против него, против Рашель, а, главное, против их детей. Значит и он против всего мира! Тут Мишель пискнул во сне и Симон почувствовал, как мучительно защемило сердце. Такой маленький, такой беззащитный. И он и Жюли. Он, Симон, готов щитом встать за детей, вот только какой из него щит? Как он смешон и жалок. Парижский адвокат, который умеет только болтать языком и никогда не прикасался к оружию.

Рене, не дождавшись ответа, начал рассказывал о своем:

–У нас с матушкой чудесный летний домик в окрестностях Экс-ан-Прова́нс.[40] Невероятно уютный и очень уединенный. Вокруг только белые горы и наши, средиземноморские колючки, которые чувствуют себя вольготно, даже если два месяца подряд стоит сухая жара и не выпадает ни капли дождя. Ниже расположены виноградники и дорога, что ведет в долину, но в окрестностях нашего домика царит просто невероятная тишина и покой, только целый день стрекочут цикады… Впрочем, и мы не так часто бываем там, наверху, мам*а* в последние годы предпочитает городскую квартиру…

Симон слушал эту оду провансальской деревенской жизни, угрюмо уставившись в вагонное окно.

–- Так почему бы вам не пожить там? – все тем же тоном продолжал Рене.

Симон очень медленно повернул голову к попутчику. Губы бывшего солдата шевелились, Жюли и Рашель согласно кивали в такт его словам, но все, что тот говорил долетало до Симона как через толстый слой ваты.

[40] Город на Юго-Востоке Франции.

– О нет, вы нас совершенно не стесните, совершенно… Море, конечно, далековато. И до города добраться не просто. Но зато какой там чистый воздух! Чистый в любом смысле.

Жена и дочь продолжали кивать, а сам Симон, адвокат, привыкший схватывать сказанное на лету, сейчас не понимал ни слова. Или просто не решался верить тому, что слышал. Они ведь всего лишь уступили этому человеку место в поезде. Всего лишь немного пространства на жесткой деревянной скамье...

„Домик“ Рене оказался целой фермой, действительно очень уединенной и в то же время достаточно благоустроенной и оснащенной всем необходимым. Семья Симона оставалась там, под надежным укрытием белых гор, обвитых колючей зеленью, до самого конца оккупации. Чтобы потом благополучно вернуться в Париж, где много лет спустя дочь Мишеля поведала нам эту историю.

Идут и идут поезда по Европе на север,
на запад, на юг, на восток
Везут наши судьбы. Кто ты, мой попутчик –
преступник, художник, пророк?

Александр Орфис

Под говор колес мы молчим и болтаем,

смеемся над шуткой простой,

Идут поезда, а случается, поезд становится

нашей судьбой.[41]

[41] Автор стихотворения – Полина Лихтшайнхоф.

ПОВЕСТЬ О ПОИМАНИИ

Александру Александровичу и

Брониславе Александровне

с глубоким уважением посвящается

О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом божиим, грех ради наших.[42]

– *А вы поидите ко мне служити!*[43]

Благоверный христолюбивый князь великий Василий Васильевич всея Руси.[44]

Мой дед. Да, знаю, законный наследник и всё такое. Но зачем же людей убивать?

---

[42] Из неоконченной хроники XVI. века, опубликованной Михаилом Николаевичем Тихомировым в 1941 году под заголовком: «Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого».

[43] Из «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого».

[44] Василий II. (Тёмный). Правил с перерывами с 1425 по 1462 год.

Кого мечом да бердышом, кого кистенём да обухом, а кого ядом неведомым, от коего сперва мышцы сводит, потом голову ломит, а там и вовсе дыхание отымается.

"Подкупил княжа Дмитреева[45] повара, именем Поганка, той же даст ему зелие в куряти"[46]

Да, знаю, Шемякин суд[47] и всё такое. Но людей убивать всё-таки незачем. Поделом теперь обоим злодеям гореть в геене огненной.[48]

Потом ещё хуже стало.

– А вы поидите ко мне служити!

Благоверный христолюбивый князь великий Иван Васильевич всея Руси.[49]

---

[45] Дмитрий II. (Шемяка). Правил в 1445 и 1446–1447 годах.

[46] Из российской летописи XV. века.

[47] «Правление Шемяки в Москве оставило след в языке. Появилось выражение «Шемякин суд». Оно обозначало полный произвол и беззаконие судебных властей.» Руслан Скрынников «Иван III».

[48] «Но по своим моральным качествам эти два столь разных человека [Василий Тёмный и Дмитрий Шемяка] недалеко ушли друг от друга. И если верить в геенну огненную — то оба они имели шанс еще раз встретиться там.». Николай Борисов «Иван III».

[49] Иван III. Правил с 1462 по 1505 год.

Мой отец. Да, знаю, свержение ига татарского, собирание земель русских и всё такое. Но зачем же людей убивать?

Сперва за то, кто к государю не мыслят, потом за то, что не к одному государю мыслят, потом за то, что к одному государю мыслят, да не шибко. А в конце жизни совсем озверел и за «высокомудрие» людей казнить стал.[50] Покарал Господь землю русскую Иваном-кайзером,[51] как покарал он царство ромейское Магмет-султаном.[52]

Потом ещё хуже стало.

– А вы поидите ко мне служити!

Благоверная христолюбивая княиня великая Софья Фоминична всея Руси.[53]

---

[50] «После казни князя Семена Ряполовского Иван III напоминал в виде предостережения о его судьбе двум своим служилым людям и советовал им не «высокоумничать»». Владимир Кобрин «Иван ГрозныЙ».

[51] В своей переписке с иностранными правителями Иван III действительно так себя называл.

[52] Так в русской литературе в начале Нового времени называли завоевавшего Константинополь османского султана Мехмеда II.

[53] Софья Фоминична Палеолог (ок. 1455–1503) племянница последнего императора Византии. В 1472 году стала второй женой великого князя Московского Ивана III. В последние годы жизни стала фактической соправительницей старого и больного мужа.

Моя мать. Царевна ромейская. Да знаю, старшего сына на престол великокняжеский возвести, чтобы он семейные ценности защищал. Но зачем же людей убивать? Да ещё на миру[54] позорить.[55] Да ещё «жидами» чернить?[56]

Сколько раз о жидах слышал, но никогда их не видел, хотя сорок семь лет на земле прожил.

Может, их вовсе нет. А может и есть. Я ведь бесов и

колдунов тоже не разу не видывал.[57]

---

[54] Публично.

[55] «Некоторых князь [Иван III] послал в Великий Новгород к архиепископу Геннадию. Тот же за сорок поприща (60 км.) от города повелел посадить их на коней, на вьючные седла, спиной к голове коня, чтобы смотрели они на запад, в уготованный для них огонь, одежду же их повелел надеть задом наперед, а на головы повелел надеть им заостренные берестяные шлемы, будто бесовские; еловцыя (Значки на темени шлема.) на шлемах были из мочала, венцы – из соломы вперемешку с сеном, на шлеме была надпись чернилами: «Вот сатанинское войско». И приказал архиепископ водить их по городу, и всем встречным приказал плевать в них и говорить: «Это враги Божии и хулители христиан». После же повелел сжечь шлемы, бывшие у них на головах. Так поступил этот добрый [!] пастырь, чтобы устрашить нечестивых и безбожных еретиков – и не только их устрашить, но и всем показать зрелище, исполненное ужаса и страха, чтобы видевшие его укрепились в правой вере. Других же еретиков князь сослал в заточение и в изгнание».
Дословная цитата из «Просветителя» (близкого к Софье Фоминичне) Иосифа Волоцкого в современной редакции.

[56] См. Александр Орфис: «Жидовомудрствующие»
https://z.berkovich-zametki.com/y2021/nomer7/orfis/

[57] «Презрение к беззащитному иноверцу, над которым можно безнаказанно измываться, совмещалось с мистическим ужасом перед ним: ведь вопреки всем гонениям он продолжал держаться своего

А в землях немецких да басурманских, говорят и драконы живут. Люди бают, один такой дракон четыре века без малого неким городом правил и раз в год человека поедал, пока ему странствующий рыцарь голову не срубил.[58] Лучше бы нашими драконами занялся. Они куда больше людей губят, хотя и гораздо меньше живут.

Потом ещё хуже стало.

– *А вы поидите ко мне служити!*

Благоверный христолюбивый князь великий Василий Иванович всея Руси.[59]

Мой старший брат. Да, знаю, Москва слезам не верит, поелику она Третий Рим и всё такое. Но зачем же людей убивать? Даже близких не пожалел.

образа жизни и своей "басурманской" веры. Бесы, колдуны, носители несчастий материализовались в еврее-нехристе, а, стало быть, и антихристе, - тайно пожирающем невинных младенцев» Семён Резник: «Растление ненавистью. Кровавый навет в России».

[58] Отсылка к пьесе «Дракон» Евгения Шварца.

[59] Василий III. Правил с 1505 по 1533 год.

Перво-наперво племянника жизни лишил,[60] а за ним и тех, кто одним молоком кормились, из одной колыбельки пошли.[61]

«Вручил душу Богу князь калужский Семён Калужский».[62] «Вручил душу Богу князь углицкий Дмитрий Калужский».[63] Мои братья. Душу Богу, а земли государю.

А пока великий князь своих давил, чужие нагрянули. Лютый хан Мухаммед-Гирей[64] Россию исконно татарской землёй возомнил и вознамерился её к Крыму присоединить.[65] Еле откупились – и за ценой не постояли. "Государю великому Мухаммеду-Гирею челом бьёт смиренный раб и данник Васька Московский». Двенадцать лет челом бил.

Потом ещё хуже стало.

---

[60] Дмитрий Иванович Внук (1483 —1509). Его отец Иван Ивамович был старшим сыном Ивана III. от первого брака. Иван III сперва обьявил юношу наследником и формальным соправителем, но затем, в результате происков Софьи Палеолог заточил его в темницу, где несчастный умер насильственной смертью.

[61] Метафора, придуманная белорусским писателем Константином Тарасовым (1940—2010).

[62] Сын Ивана III. и Софьи Палеолог (1487—1518).

[63] Сын Ивана III. и Софьи Палеолог (1481—1521).

[64] Крымский хан.

[65] В 1521 году.

– А вы поидите ко мне служити!

Благоверная христолюбивая княгиня великая Елена Васильевна всея Руси.[66] Моя невестка.

Да, знаю: «а приказывает князь великий великой княгине Елене свои дети и престол области державствовати скипетр великия Руси до возмужения сына своего и полагает на ней все правление великого государства многого ради разума по подобию и по достоинству Богом избранну царского правления»[67] и всё такое.

Но зачем же людей убивать?

Где Михайло Глинский, где Иван Бельский, где Иван Воротынский, где Богдан Трубецкой, где Андрей Шуйский[68] – и где, змея подколодная, мой брат Юрий?![69]

«Посадили его в полату и положили на него тягости железа 25 пуд [!].Преставися он
страдальческою смертью, гладною нужею»[70]

---

[66] Елена Васильевна Глинская (1508–1538). Вдова Василия III. Мать Ивана Грозного и регентша в первые годы его правления.

[67] Сокращённая цитата из (официозной) летописи XVI. века.

[68] Некоторые из жертв Елены Глинской. Князь Михаил Львович Глинский (1470–1534) был дядей регентши.

[69] Князь дмитровский Юрий Иванович (1480–1536).

[70] Контаминация двух российских летописей XVI. века.

Тут меня постигла немочь великая. Да разузнали ушники[71] окаянные, что на кровати лежу, хоть и на стегне[72] болячка и донесли в палаты белокаменные: «лежит затем, что к Москве ехати не смеет».[73]

Потом ещё хуже стало.

«Великая княиня Елена нача помышляти, как бы ей князя Ондрея Ивановича изымать»[74]

Изымать? Да ты ума лишилась, блудница вавилонская![75] Я не тварь бессловесная и не смерд сиволапый, а князь старицкий и верейский, государей московских да басилевсов царьградских прямой потомок!

«Того же лета майя в 2, на принесение мощем святых праведных мучеников страстотерпцех боголюбивых князей руских Бориса и Глеба князь Ондрей Иванович пошол из своей отчины из Старици натерпевшись от своих великих обид»[76]

---

[71] Стукачи.

[72] Бедре.

[73] Из российской летописи XVI. века.

[74] Из «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого» (слегка изменённая цитата).

[75] См. Апокалипсис 17: 3-6.

[76] Из «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого»

Да не один пошёл, а народа ратного мало не шестьдесат тысяч с собою повёл!
Вчера Торжок, сегодня Новгород, завтра в Кремле буду!

– *А вы поидите ко мне служити!*

Благоверный христолюбивый князь великий Андрей Иванович всея Руси.
А может сразу царём сделаться?

«Естеством убо телесным точен всякому человеку царь, властию же сана подобен есть надо всеми Богу; не имать бо на земли вышьша себе»[77]

Но тут страшное дело приключилось.

«И бысть князю Ондрею третей стай, проехав Волочок Вышний на реке на Дне, и оттоле от него побегоша дети боярские два Валуевых, Василей да Ондрей Мешковы братья Валуева, да Проня Бекетов сын Дедевшина, да Вешняк Дурной Ефимов сын Харламова, и те убегоша,

[77] Из древнерусского перевода трактата «Поучение благого царства» византийского писателя VI в. Агапита.

а Ондрея Валуева княжо Ондреева Ивановича стражи ухватиша и приведоша его ко князю.

Князь же Ондрей велеша его у стражей взяти ближнему своему дворянину Каше Васильеву сыну Агаркову, и повеле его блюсти крепко. Каша ж Огарков повеле людей своим Ондрею Валуеву связати руце и нозе и вергоша его в озерко в одной срачици, а главу ему выскитиша на брег озерка того, дабы он не залился, и пыташа у него, многих ими и думе было измените князю. Он же сказаша на многих. Каше же речи Ондреевы сказаша княжо Ондрееву Ивановича дворецкому князю Юрью Ондреевичу Оболенскому. Князь же Юрки взяша с собою Кашу Огаркова и сказаша князю Ондрею Ивановичу все по ряду, что Каша сказывал Ондреевы речи»[78]

Да, знаю, измена, предательство, зрада и всё такое. Но зачем же людей убивать?

«Князь же Ондрей то слышав у своего дворецкого у князя Юрья Каши своих детей боярских измену, и повеле то закрыта, понеже не всех тех переветати, бе бо их умножишася изменников тех, грех ради государевых,

[78] Из «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого».

которых князь Ондрей Иванович чаял собе искренними слугами»[79]

Потом ещё хуже стало.

Данило-митрополит[80] грамоту прислал, дескать не совершайте грех великий, остановите смуту братоубийственную, покоритесь государю законному, хоть он и пелёночник[81] малый.

Пелёночник малый. Благоверный христолюбивый князь великий Иван Васильевич всея Руси.[82] Мой племянник.

Да, знаю, когда он родился, гром среди ясного неба грянул, и землю до основания потряс.[83] Да, знаю, на небе звезда кровавая зажглась. Да, знаю, великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною,[84] вокруг колокольни Ивана Великого обвился.[85] Да, знаю, некая девица безумная в мечети казанской голосила:

---

[79] Из «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого».

[80] Митрополит Московский и всея Руси. Бессовестный клеврет Василия III., а впоследствии Елены Глинской.

[81] Ребёнок.

[82] Иван Грозный.

[83] Русская легенда. См. Руслан Скрынников: «Иван Грозный».

[84]Апокалипсис 12:9.

[85] Отсылка к первоначальному, переписанному по требованию цензуры, финалу повести Михаила Булгакова «Роковые яйца»

«Родился у русских царь, а у него двои зубы: одними ему чужих съесть, а другими своих».[86] Ну и всё такое.

Ещё хуже станет.

Но только через много лет, а сейчас...
Зачем же детей убивать?
Не могу. Не хочу. Не буду.

«И на завтрея воеводы великого князя даша правду князю Ондрею Ивановичу и крест целовали на том, что великому князю Ивану Васильевичу и матери его великой княгине Елене князя Ондрея Ивановича отпустить на его вотчину и сь его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо.»[87]

На кресте Спасителя поклялись. «Симон же Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны; неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?»[88]

---

[86] Контаминация «Песни о вещей Кассандре» Владимира Высоцкого и русской легенды: «Казанская ханша, узнав о рождении царя, объявила московским гонцам: «Родился у вас царь, а у него двои зубы: одними ему съесть нас (татар), а другими вас (Руслан Скрынников: «Иван Грозный»)

[87] Из «Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого».

[88] Евангелие от Иоанна 18:10,11

Пусть и моё царствие не от мира сего будет![89]

Хоть бы сына малого[90] пощадили, ироды окаянные. Да мой ли он сын? Уж сколько раз жена моя благоверная[91] с боярами ближними и дальними переглядывалась, да перешёптывалась. Всё едино, дитя малое, неповинное. Зачем же детей убивать?

«*И оттоле князь Ондрей Иванович возвратися к Москве*»

Совсем худо стало.

Как до Коломны доехали, разодрали шишы[92] московские ризы мои княжеские, оковали меня железами тяжкими, обругали хулою великою и остриями копьев колоть стали.

«Так видел я в видении коней и на них всадников, которые имели на себе брони огненные, гиацинтовые и сер-

---

[89] См. Евангелие от Иоанна 18:36.

[90] Будущий князь старицкий Владимир Андреевич (1535–1569). Был зверски убит Иваном Грозным вместе с матерью, женой и дочерями.

[91] Княгиня старицкая Ефросинья Андреевна (1516–1569).

[92] Клевреты, подручные.

ные; головы у коней - как головы у львов, и изо рта их выходил огонь, дым и сера.» [93]

Да ещё песню нелюдскую затянули:

Удар кнута — вскрик.
Снова удар — стон.
Третий удар — хрип.[94]

ЭПИЛОГ

Как только удельный князь явился в Москву, его схватили и «посадили в заточенье на смерть». На узника надели некое подобие железной маски — тяжелую «шляпу железную» и за полгода уморили в тюрьме. По «великой дороге» от Москвы до Новгорода расставили виселицы. На них повесили дворян, вставших на сторону князя Андрея.[95]

[93] Апокалипсис 9:17.
[94] Из повести Владимира Сорокина: «День опричника».
[95] Руслан Скрынников: «Иван Грозный»

Шериф

Маленькая трагикомедия в трёх актах с прологом и эпилогом

Светлой памяти Лукаса Каррера (1909 – 1985) и Хризостома Димитриу (1890 – 1958), Праведников Мира, губернатора и епископа острова Закинф

Посвящается Полине Лихтшайнхоф – талантливой писательнице и прекрасному человеку

ПРОЛОГ

Шериф за рабочим столом. На стене – звёздно-полосатый флаг Соединённых Штатов Америки. Над флагом надпись: „Я мечтаю, что придет день, когда мои четверо детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по чертам их характера“ (Мартин Лютер Кинг). Помощник шерифа внезапно врывается в кабинет.

ПОМОЩНИК ШЕРИФА. Парламентёры, босс!

ШЕРИФ (*хватаясь за голову*). Опять?!

ПОМОЩНИК ШЕРИФА. Вы что, забыли? В нашей стране идёт гражданская война.

ШЕРИФ (*резко*). А какая партия довела нашу страну до гражданской войны, натравливая американцев друг на друга?

ПОМОЩНИК ШЕРИФА (*с печальной усмешкой*). Какая партия, босс? Вы сами знаете, какая…

ШЕРИФ. Ладно, впустите их.

(*Помощник шерифа уходит*)

АКТ ПЕРВЫЙ

Кабинет шерифа. Заходит первый парламентёр, обвешанный огнестрельным и холодным оружием.

ШЕРИФ. Добрый день!

ПЕРВЫЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Хайль Гитлер! Я – мистер Адольф Второй, посол Арийского Рейха!

ШЕРИФ. Всё ясно.

ПЕРВЫЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Мы тр-р-ребуем от тебя немедленно ввести в городе *культур-р-ру отмены*.[96] Прежде всего отменить это (*указывает на изречение Мартина Лютера Кинга*). А заодно вот это (*указавает на звёздно-полосатый флаг*). Потом отменить Вторую поправку![97] Всё оружие конфисковать! Естественно, кроме нашего!

[96] Намёк на „Cancel Culture“ в современной Америке.

ШЕРИФ. Всё ясно.

ПЕРВЫЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Затем отменить всех инородцев! Евреев вывезти в известное место с известной целью, а прочих выгнать из города за двадцать четыре часа.

ШЕРИФ. Всё ясно. Кроме того, как мне с самим собой поступить. Мой отец – белый, моя мать – дочь чернокожего и латиноамериканки.

ПЕРВЫЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Будешь всегда и во всём нас слушать? Тогда мы назначим тебя почётным индоевропейцем!

ШЕРИФ (*гневно*). Так слушайте же, мистер Адольф Второй! Вы живёте в Соединенных Штатов Америки! А в Соединённых Штатах Америки *все* люди равны! А теперь валите к чёрту, иначе я помогу Вам своим револьвером!

---

[97] Вторая поправка („Second Amendment“) к Конституции США гарантирует право граждан на хранение и ношение оружия.

Шериф

ПЕРВЫЙ ПАРЛАМЕНТЁР (*вяло бормочет*) У самих револьверы найдутся[98] ... и не только револьверы (*изловчившись, брызгает в дверь*).[99]

АКТ ВТОРОЙ

Кабинет шерифа. Заходит следующий парламентёр, обвешанный огнестрельным и холодным оружием.

ШЕРИФ. Добрый день!

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Black Power![100] Я – мистер Малькольм Икс – Луис Фаррахан – Джордж Флойд, посол Рейха Чернокожих!

ШЕРИФ. Всё ясно.

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Мы тр-р-ребуем от тебя немедленно ввести в городе *культур-р-ру отмены*. Прежде всего отменить это (*указывает на изречение*

---

[98] Дословная цитата из повести Михаила Булгакова „Собачье сердце“.

[99] Дословная (слегка изменённая) цитата из повести Михаила Букгакова „Собачье сердце“.

[100] „Власть чёрных!“. Лозунг, активно используемый чернокожими ксенофобами в современной Америке.

Мартина Лютера Кинга). А заодно вот это (*указывает на звёздно-полосатый флаг*). Потом отменить Вторую поправку! Всё оружие конфисковать! Естественно, кроме нашего!

ШЕРИФ. Всё ясно.

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Затем отменить всех инородцев! Евреев вывезти в известное место с известной целью, а прочих выгнать из города за двадцать четыре часа.

ШЕРИФ. Всё ясно. Кроме того, как мне с самим собой поступить. Мой отец – белый, моя мать – дочь чернокожего и латиноамериканки.

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Будешь всегда и во всём нас слушать? Тогда мы назначим тебя почётным чернокожим!

ШЕРИФ (*гневно*). Так слушайте-же, мистер Мальколм Икс – Луис Фаррахан – Джордж Флойд! Вы живёте в Соединенных Штатов Америки! А в Соединённых Штатах Америки *все* люди равны! А теперь валите к чёрту, иначе я помогу Вам своим револьвером!

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТЁР (*вяло бормочет*) У самих револьверы найдутся ... и не только револьверы (*изловчившись, брызгает в дверь*).

АКТ ТРЕТИЙ

Кабинет шерифа. Заходит последний парламентёр, обвешанный огнестрельным и холодным оружием.

ШЕРИФ. Добрый день!

ТРЕТИЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Caramba![101] Gringo![102] Que Viva la Raza![103]

ШЕРИФ. Вызвать переводчика?

ВТОРОЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Я – синьор... имя пока не придумал..., посол Рейха Латиноамериканцев!

ШЕРИФ. Всё ясно.

---

[101] Испанское ругательство.

[102] Оскорбительное обозначение американцев в испаноязычных странах

[103] „Да здравствует [наша] раса!“. Лозунг, активно используемый латиноамериканскими ксенофобами в современной Америке.

ТРЕТИЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Мы тр-р-ребуем от тебя немедленно ввести в городе *культур-р-ру отмены*. Прежде всего отменить это (*указавает на изречение Мартина Лютера Кинга*). А заодно вот это (*указавает на звёздно-полосатый флаг*). Потом отменить Вторую поправку! Всё оружие конфисковать! Естественно, кроме нашего!

ШЕРИФ. Всё ясно.

ТРЕТИЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Затем отменить всех инородцев! Евреев вывезти в известное место с известной целью, а прочих выгнать из города за двадцать четыре часа.

ШЕРИФ. Всё ясно. Кроме того, как мне с самим собой поступить. Мой отец – белый, моя мать – дочь чернокожего и латиноамериканки.

ТРЕТИЙ ПАРЛАМЕНТЁР. Будешь всегда и во всём нас слушать? Тогда мы назначим тебя почётным латиноамериканцем.

ШЕРИФ (*гневно*). Так слушайте-же, мистер... синьор „Имя Пока Не Придумал!“ Вы живёте в Соединенных Штатов Америки! А в Соединённых Штатах Америки *все* люди равны! А теперь валите к чёрту, иначе я помогу Вам своим револьвером!

ТРЕТИЙ ПАРЛАМЕНТЁР (*вяло бормочет*) У самих револьверы найдутся ... и не только револьверы (*изловчившись, брызгает в дверь*).

ЭПИЛОГ

Шериф за рабочим столом. На стене звёздно-полосатый флаг Соединённых Штатов Америки. Над флагом надпись: „Я мечтаю, что придет день, когда мои четверо детей будут жить в стране, где о них будут судить не по цвету их кожи, а по чертам их характера“ (Мартин Лютер Кинг). Помощник шерифа внезапно врывается в кабинет.

ПОМОЩНИК ШЕРИФА. Босс! Наш город штурмуют три банды! Одновременно!

(*Немая сцена)*

ГНИЛОЕ МОРЕ

Посвящается Полине Лихтшайнхоф – талантливому писателю и прекрасному человеку

Напрасная и болезненная попытка
Перепрыгнуть законы пространства и времени.

(Елена Ширман: „Последние стихи“)

Впрочем, здесь еще не кончаются „записки“ этого парадоксалиста. Он не выдержал и продолжал далее. Но нам тоже кажется, что здесь можно и остановиться.

(Федор Достоевский: „Записки из подполья“)

— Его величество пробудился от сна!

Пробудился-то я ещё посреди ночи. А потом до самого рассвета в постели промучился. И целый день мучиться буду. Глаза сами собой закрываются, голова на грудь падает, язык к гортани липнет. Да ещё море гремит. Плоское, бурое, мутное море, покрытое несмываемыми трупными пятнами. Гнилое море. Ненавижу. И зачем

только всякие поэты древнего душегубца своими лирами прославляют.[104] Казнить бы их всех, но я так стар.

— Его величество пребывает в добром здравии!

Добрее не бывает. Глаза не видят, уши не слышат, ноги не ходят, руки не держат. Да ещё непобедимая, ужасная болезнь, при которой у других болит полголовы,[105] а у меня вся голова и не просто болит, а на куски разламывается. Как та болезнь зовется? Забыл. Вот и память теряю. Доктора мне ничем не помогают. А может, помочь не хотят. Казнить бы их всех, но я так стар.

— Его величество вкушает трапезу!

Гнилое мясо, тухлая рыба, горькое вино, кислые фрукты. С души воротит. Нутро насквозь прожигает. Повара совсем разленились. А может, нарочно травят. Казнить бы их всех, но я так стар.

— Его величество принимает наследника престола!

---

[104] Отсылка к началу стихотворения Александра Пушкина „К Вяземскому“: „Так море, древний душегубец,/ Воспламеняет гений твой? / Ты славишь лирой золотой / Нептуна грозного трезубец “

[105] Отсылка к внутреннему монологу Понтия Пилата из романа Михаила Булгакова „Мастер Маргарита“

Приполз, Змеёныш!

Невпопад отвечает, с ноги на ногу переминается, рукоятку меча сжимает. А главное – мне в глаза не смотрит, а всё на придворных косится. А те между собой перешёптываются, никак решают, какой смертью законного царя извести. Казнить бы их всех, но я так стар.

— Его величество читает послания иноземных государей!

Уже который год одно и то-же пишут – „заключи союз со мной, вместе разьясним[106] соседей, добычу поровну разделим“. Совсем озверели.

Да мне ли их судить?

— Град мы разрушили, жителей всех истребили.

Жен сохранивши и всяких сокровищ награбивши много,

Стали добычу делить мы, чтоб каждый мог взять свой участок[107]

---

[106] Эвфемизм из повести Михаила Булгакова „Собачье сердце“

[107] Гомер / „Одиссея“ / Песнь 9 / Ст. 40-42 (перевод Василия Жуковского).

Да разрушили, да истребили, да награбили, и что с того?

— В ком больше силы, тот и прав.

Никто не спросит: „Чье богатство?

Где взято и какой ценой?"

Война, торговля и пиратство -

Три вида сущности одной.[108]

Я моей бедняжке так и сказал, а она не успокоилась. Побежала, глупенькая, к Милосердной Матери в храм, грехи чужие замаливать. С тех пор совсем ума лишилась, день и ночь слова безумные выкрикивает. Приходится под замком держать, чтобы народ не смущался. Надругался над ней в храме какой-то бог. А может и не бог, а демон. А может и не демон, а... Молчит верховный жрец, молчат его сынки, молчат его подручные. Казнить бы их всех, но я так стар.

— Его величество обращается к своему Городу!

[108] Иоганн Гете: „Фауст“ (перевод Бориса Пастернака).

Мой Город. Город великий, город крепкий.[109] Город, одетый в виссон и порфиру и багряницу, украшенный золотом и камнями драгоценными и жемчугом.[110] Город, кнутом и кровью построенный.[111] До сих пор по улицам мертвецы бродят и мёртвыми губами не то „грана" не то „колы" шепчут.[112] „Не бойтесь мёртвых, бойтесь живых". А я и живых не боюсь. Казнить бы их всех, но я так стар.

— Его величество обьявляет, что Город пребывал, пребывает и всегда будет пребывать в совершенной безопасности!

Приходится обьявлять, чтобы народ не смущался. – И это не стыдно, и это не унизительно! – может быть, скажете вы мне, презрительно покачивая головами.[113] Казнить бы вас всех, но я так стар. Так-что покачивайте и дальше.

---

[109] См. Апокалипсис от Иоанна / Глава 18 / Ст. 10.

[110] См. Апокалипсис от Иоанна / Глава 18 / Ст. 16.

[111] Характеристика Санкт-Петербурга в драме Альбера Камю „Праведники“ (перевод И. Кузнецовой).

[112] Отсылка к стихотворению бывшего узника ГУЛАГа Вадима Попова: „Гренада–Колыма“, которое, в свою очередь является полемическим ответом балладе Михаила Светлова „Гренада“.

[113] Дословная цитата из повести Федора Достоевского „Записки из подполья“.

— Его величество принимает дары от благодарных подданных!

Им каждый день дары приносить приходится. Вот и молят Милосердную Мать, чтобы душу старого царя поскорей в преисподнюю отправила. О нелепость нелепостей![114] Да их Змеёныш ещё крепче за горло возьмёт. И при каждом новом царе все хуже и хуже будет – пока завоеватели не нагрянут... Город разрушен, осталось море.[115] Да, только море и останется. Гнилое море. Ненавижу.

— Его величество принимает золотую державу от придворных ювелиров!

„Золотая держава?“ Грубый кусок ржавой меди, наспех позолоченный. А золото придворные ювелиры припрятали и между собой поделили. Обманули, думают, старого дурня. Казнить бы их всех, но я так стар. А медную труху в море! Гнилое море. Ненав…
Э-нет. Почему ты, Милосердная Мать, и пальцем не шевельнула, когда в твоём храме, перед твоим алтарём,

---

[114] Дословная цитата из повести Федора Достоевского „Записки из подполья“.
[115] Дословная цитата из стихотворения Али Хайтлиной „Ніколи знову“.

мою дочь бесчестили?! Свобода воли и всё такое?! Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле?![116] Нет, не отрекаюсь и не раскаиваюсь! Прими же, Немилосердная Мать, дар лицемерный, дар лживый, дар коварный, дар, тебя достойный!

Яркая молния вспыхнула в давно потухших глазах древнего владыки. Огнём и кровью зарделась его багряница. Подобно титану, свергающему тяжкое ярмо, согбенный царь внезапно выпрямил спину, расправил плечи и высоко поднял голову, разметав львиную гриву. А затем взмахнул железным жезлом[117] как воин секирой и грозно прорычал:

— Отнесите же золотую державу в храм Милосердной Матери и возложите на её алтарь!

Затесавшийся в толпе микенский лазутчик по имени Одиссей вздрогнул от ужаса, хотя и был тёртым калачом, вышедшим целым и невредимым из многих передряг. Но вскоре страх сменила злоба и он твёрдо решил: „Только моя госпожа, царица Клитемнестра, достойна владеть этим золотым яблоком. Только мой господин,

---

[116] См. Книга Иова / Глава 42 / Ст. 6.

[117] См. Апокалипсис 2:27, 12:5, 19:15, а также стихотворение Александра Блока: „Всё ли спокойно в народе?..»

царь Агамемнон, достоин владеть Троей, или по крайней мере тем, что от неё после войны останется!“ – а затем с ненавистью покосился на седую

голову старого Приама.

Александр Орфис

Поэт и его куратор[118]

Посвящается Полине Лихтшайнхоф – талантливому писателю и прекрасному человеку

Рассказ написан на грани документального реализма и фантасмагории и с элентами интертекстуальности и гротеска.

Ничто не сходит с рук:
ни самый малый крюк
с дарованной дороги,
ни бремя пустяков,
ни дружба тех волков,
которые двуноги.

[118] «Поэт» и «Куратор» основаны на Евгении Евтушенко и соловецком «палаче-любителе» Дмитрии Владимировиче Успенском (1902–1989), но не являются их точными портретами.

Ничто не сходит с рук:
ни ложный жест, ни звук
ведь фальшь опасна эхом,
ни жадность до деньги,
ни хитрые шаги,
чреватые успехом.

Евгений Евтушенко

Время действия: июнь 1982 года. Место действия: Лубянка, кабинет Куратора. Куратор сидит за рабочим столом. Входит Поэт.

КУРАТОР. Добрый день! Как у вас дела? Как вы себя чувствуете?

ГОЛОС ПОЭТА. Ну, вот, вполне интеллигентный старичок! А говорили, дескать, «мясник из Гулага», каждый день по сто человек расстреливал.

ПОЭТ. Большое спасибо, всё в полном порядке. А у вас?

КУРАТОР (покашливая). Эх, старость, не радость. (протягивает поэту листок бумаги):

Пожалуйста, ознакомьтесь с заявление советских ученых и деятелей культуры и тоже подпишите его.

ГОЛОС ПОЭТА. На земле Ливана разыгрывается кровавая трагедия. Захватив почти треть территории суверенной страны, израильские агрессоры осуществляют откровенный геноцид в отношении ливанского и палестинского народов. Десятки тысяч людей уже стали его жертвами. Оккупанты не щадят никого — ни стариков, ни женщин, ни детей. Ливанцев и палестинцев пытаются лишить основного права любого человека — права на жизнь. Древние города Тир, Сайда, Набатия превращены в руины. Израильская военщина с варварской безжалостностью стирает с лица земли бесценные памятники мировой культуры — всеобщее достояние. Агрессор ведет себя на земле Ливана с такой жестокостью и цинизмом, которые приводят на память самые тягчайшие преступления перед человечеством.

Невозможно примириться с тем, что уже произошло, но трагедия в Ливане продолжается. Войска агрессора готовятся к штурму столицы страны — Бейрута, густонаселенного города, в котором к тому же в эти дни скопились сотни тысяч беженцев. Трудно и страшно даже

представить себе, скольких ни в чем не повинных людей намерены обречь на смерть захватчики.

Правители Израиля взяли на себя тяжелейшую ответственность. Но кровь ливанцев и палестинцев — и на руках американских покровителей Израиля, на тех, кто оснащает его оружием, потворствует его авантюристической политике.

Мы обращаемся к деятелям науки и культуры всего мира, ко всем людям доброй воли, приверженным идеалам гуманизма, мира и свободы, с призывом поднять свой голос в защиту жертв израильской агрессии в Ливане, решительно потребовать немедленного прекращения интервенции и безоговорочного ухода оккупантов из Ливана.

Мы призываем организацию Объединенных Наций, государственных и политических деятелей всех стран мира сделать все от них зависящее, чтобы не дать свершиться новым преступлениям, остановить кровопролитие в Ливане.[119]

ПОЭТ (растерянно). Я это заявление ...действительно должен подписать?

КУРАТОР (резко). Вы не согласны?!

---

[119] Дословный текст «Заявление советских ученых и деятелей культуры» в газете «За рубежом» от 25 июня – 1 июля 1982 года.

ПОЭТ (успокаивающим голосом). Совершенно согласен!

КУРАТОР. Так в чём-же дело?

ПОЭТ (смущённо). Мои читатели от меня… такого не ожидают. Может пострадать моя репутация.

КУРАТОР. За свою репутацию в *наших* глазах вы не опасаетесь?

ПОЭТ. Но я ведь только-что уже написал в «Маме и нейтронной бомбе»[120] (по-волчьи оскалившись):

Красная Шапочка пытается склеить кусочки

---

[120] Поэма Евгения Евтушенко (1982). «Нейтронная бомба» была пунктом №1 в советской антивоенной пропаганде начала 1980-х. Политическая причина этого была понятна – нейтронные бомбы были тактическими ядерными боеприпасами, предназначенными для применения на поле битвы, против живой силы и техники противника. При этом взрывная волна и световое излучение нейтронного боеприпаса значительно менее разрушительны, поэтому вещи остаются в сохранности. Такое оружие с большей вероятностью могло быть применено в боях за Европу, без обмена массированными ядерными ударами, что создавало трудности для советского военного планирования. По этой причине СССР вел массированную кампанию в мире против нейтронного оружия».
https://marss2.livejournal.com/2762469.html

взорванных бомбами детей Белфаста и Бейрута[121]

(почти воет):

Спасибо, Сэмюэл Коэн[122] и прочие гуманисты,
за вашу новую американскую «игрушку» -
не ту, которой играют дети,
а ту, которая играет детьми,
пока не останется ни одного ребёнка…[123]

КУРАТОР (с едкой иронией). И что-же ваши читатели? Возмутились? Возненавидили? К стенке поставили?

ПОЭТ. Они просто ...не заметили.

КУРАТОР. Они просто не захотели замечать! Не захотят замечать и это (подымает листок).

ПОЭТ. А вдруг заметят?

КУРАТОР (всё-ещё терпеливо). Если заметят, то мы позволим вам вернуть доверие ваших читателей какой-

[121] Из поэмы Евгения Евтушенко «Мама и нейтронная бомба».
[122] Американский физик (1921–2010).
[123] Из поэмы Евгения Евтушенко «Мама и нейтронная бомба».

нибудь очередной макулатурой вроде «Бабьего Яра»[124] (многозначительно) Вот только палку не перегните, как в прошлый раз. «Танки идут по Праге в закатной крови рассвета», ась?

ПОЭТ (в ужасе) Я тогда ...по неосторожности обмолвился! Я так больше не буду![125]

ГОЛОС КУРАТОРА. Сейчас ещё и задницу мне лизать начнёт.[126]

КУРАТОР (*подчёркнуто вежливо*). Если вы уже ознакомились, то пожалуйста подпишите.

ПОЭТ (*мнётся*). Я хотел бы...подумать.

КУРАТОР (*резко*). Повторите задание партии и правительства, переданное в этом кабинете одним из моих предшественников двадцать пять лет назад!

---

[124] Стихотворению Евгения Евтушенко (1961)

[125] “Он [Евтушенко] припадочный немножко, понимаете? И от припадочности иногда его прорывает в какую-то искренность. Он тут же в ней раскаивается, он тут же начинает барину лизать задницу – говорит: "Барин, прости меня, батюшка. Я вот сейчас, понимаешь, по неосторожности обмолвился. Я так больше не буду"». (Александр Галич)

[126] См. то-же высказывание Александра Галича.

ПОЭТ (по стойке смирно). Правдиво, исторически-конкретно изображать действительность![127] (громко) Быть верным славному делу марксизма-ленинизма! (ещё громче) Всецело укреплять международные позиции Союза Советских Социалистических Республик и стран социалистического лагеря! (почти кричит) Я – Куба.[128] Revolucion, возьми меня солдатом Армии Свободы![129]

КУРАТОР (*снисходительно*). Так-так.

ПОЭТ (*гораздо тише*). Указывать на отдельные недостатки и перегибы, всё-ещё встречающие на местах. (*ещё тише*) Никоим образом не ставя под сомнение правое дело марксизма-ленинизма критиковать несознательные элементы советского общества, в том числе и (*почти шепотом, заикаясь*) ... наследников... Сталина.[130]

КУРАТОР (*выходит из себя*). Ка-а-ких-та-ких «наследников Сталина»?!

---

[127] См. «Устав Союза писателей СССР» 1934 года.

[128] Советский пропагандистский фильм (1964), снятый по сценарию Евгения Евтушенко.

[129] Евгений Евтушенко: «Москва и Куба» (1962).

[130] Отсылка к стихотворению Евгения Евтушенко «Наследники Сталина» (1961)

ПОЭТ (*бледнеет*). Это было… сразу после… двадцатого съезда... Позиция партии… с тех пор… несколько изменилась.

КУРАТОР (*твёрдо*). Позиция партии всегда оставалась неизменной! В нашей стране шла ожесточенная классовая борьба, решался вопрос: «кто-кого?» Враждебные течения в партии — троцкисты, правые оппортунисты, буржуазные националисты, выступая с антиленинских позиций, отвергали возможность победы социализма в одной стране и тем самым ко существу вели дело к реставрации капитализма.[131] (*продолжает*) В борьбе за победу социализма огромную роль сыграли руководящие кадры Коммунистической партии и Советского государства. К их числе был и И. В. Сталин. Он активно отстаивал принципы марксизма-ленинизма, дело партии. Он решительно выступал против троцкистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов, против происков империализма. В этой политической и идейной борьбе Сталин приобрел большой авторитет и популярность.[132] При этом (*многозначительно*) Один из стандартных приемов антикоммунистической пропаганды — ее попытки под видом критики культа личности

---

[131] Дословная цитата из статьи: «К 100-летию со дня рождения И. В. Сталина» в газете «Правда» от 21. декабря 1979 года.

[132] Дословная цитата из той-же передовицы.

Сталина ослабить влияние идей марксизма-ленинизма, подорвать единство рядов международного коммунистического днижения, опорочить реальный социализм, нашу партию.[133]

ПОЭТ (*бледный как полотно*) Я так больше не буду!

КУРАТОР. Но если вы осуждаете отдельные недостатки и перегибы в нашей стране, самой свободной и справедливой стране в мире, то вы, конечно-же осудите и откровенный геноцид в отношении ливанского и палестинского народов (*теряет терпение*). А может быть вы считаете, что никакого геноцида на самом деле нет?!

Инстинктивно, вовсе не желая напугать Поэта, Куратор делает пальцем движение, напоминающее нажатие курка.

ПОЭТ (*замечая жест*) О-ох! (падает в обморок)

ГОЛОС КУРАТОРА. Как-бы не раньше времени не потерять такой ценный кадр!

---

[133] Дословная цитата из той-же передовицы.

Куратор подносит к лицу Поэта бутылочку с нашатырным спиртом. Поэт медленно приходит в себя.

ПОЭТ (*все ещё плохо соображая*). Есть… геноцид.. перегибы… наследники Сталина. Но я всё равно так больше не буду!

КУРАТОР (*мягко*). Ну зачем-же вы так перепугались? Разве мы когда-нибудь дали Вам повод усомниться в нашем хорошем отношении? Вы же получили квартиру на Котельнической набережной – рядом с Кремлём. Вы же выступаете на стадионах, перед десятками тысяч слушателей. Вы же ездили в 100 стран, и везде вас встречали отлично.[134]

ПОЭТ. Я не Урия Гипп, в Англии не останусь![135]

КУРАТОР (*почти ласково*) Вы же получили от нас сперва «Знак Почета»,[136] а затем «Орден Трудового

---

[134] “Я был в 96 странах, и везде меня встречали отлично» (Евгений Евтушенко)

[135] "Да в нашем поколении были стиляги и плесень, но они не представляли собой лицо нашего поколения в целом, также как сегодня его не может представлять липкое, заискивающее лицо диккенсовского Урии Гиппа под псевдонимом Месье Анатоля!" Евгений Евтушенко о Анатолии Кузнецове в 1971 году.
Урия Гипп: главный антагонист романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд».

[136] Евгений Евтушенко получил «Знак Почёта» в 1967 году.

Красного Знамени»[137] (*многозначительно*) На очереди: Сталинская Премия… то есть Государственная [138]

Поэт молниеносно хватает со стола лист бумаги и подписывает его.

ПОЭТ (*почти восторженно*). Я всегда был и всегда буду вашим!

КУРАТОР. Только моим?

ПОЭТ (*торжественно*) Я всегда буду выполнять Ваши приказы – и приказы всех Ваших преемников! До конца моих дней!

ГОЛОС ПОЭТА.
В судьбе малайзийского самолета
виновен не кто-то отдельный, а что-то.
Оно безымянно везде расползлось –
отчаянье, бедность, изгойство и злость.[139]

---

[137] Автор позволил себе небольшой анахронизм: Евгений Евтушенко получил «Орден Трудового Красного Знамени» тоько в 1983 году.
[138] «Сталинская премия» не вручалась после 1955 года, а в 1966 году была переименована в «Государственную»
[139] Евгений Евтушенко в 2015 году.

КУРАТОР. Мы никогда в Вас не сомневались.

ПОЭТ (*грозно*). Каждого, кто на моих выступлениях будет допускать антисоветские высказывания, я лично отведу в КГБ![140]

КУРАТОР (*сухо*). Мы знаем.

ПОЭТ (*сбивчиво*). В Нью-Йорке ко мне в отель прибежал этот подонок Бродский и стал умолять меня помочь его родителям уехать в Штаты. Но я, предателям Родины не помогаю![141]

КУРАТОР (*нетерпеливо*). Ясно. До свиданья!

---

[140] «Ещё в молодые годы Евтушенко публично говорил, что каждого, кто на его выступлениях будет допускать антисоветские высказывания, он лично отведет в КГБ.» Владимир Войнович: «Дело 3840»

[141] «Проходит год или полтора, и до меня из Москвы доходят разговоры, что Кома Иванов публично дал Евтуху в глаз. Потому что Евтух в Москве трепался о том, что в Нью-Йорке к нему в отель прибежал этот подонок Бродский и стал умолять помочь его родителям уехать в Штаты. Но он, Евтушенко, предателям Родины не помогает. Что-то в таком роде. За что и получил в глаз!». Иосиф Бродский

ПОЭТ (*визжит, войдя в раж*). Войновича вы не травили. Он сам себя отравил![142] А Лев Халиф[143] – вообще бывший московский сутенёр![144]

КУРАТОР (*не выдержав*). Пошел вон!

Поэт медленно пятится задом из кабинета.

ГОЛОС КУРАТОРА. Слабые нынче поэты пошли! Раньше «падаль паршивая!» кричали и в лицо плевали,[145] а теперь за кость с барского стола отцу родному глотку перегрызут. Тьфу!

---

[142] «Я не знаю, действовал ли поэт Евгений Евтушенко по чьему-то заданию или сам от себя старался, но в те дни он каждого встречного-поперечного и с большой страстью убеждал, что никто меня не травил (интересно, откуда ж ему это было известно?), всю эту историю про отравление я для чего-то наврал. Зуд разоблачительства по отношению ко мне у него не угас с годами, он через 15 лет после случившегося публично (на заседании «Апреля») ни к селу ни к городу вспомнил эту историю и опять повторил, что я вру, неосмотрительно хвастаясь своей осведомленностью: «Поверьте мне, уж я-то точно знаю».» Владимир Войнович: «Дело 3840»

[143] Советский писатель-диссидент (1930–2018). Много лет жестоко гоним властями, в 1977 году фактически выслан в США.

[144] “и бывший московский сутенёр, / сочинивший роман «ЦДЛ» / на единственном / хорошо знакомом ему материале» Евгений Евтушенко: «Мама и нейтронная бомба»

[145] Отсылка к последним минутам жизни Евгении Исааковны Ярославской–Моркон, зверски убитой Дмитрием Успенским в Соловецком лагере в 1931 году.

ЭПИЛОГ

В 1984 году Евгений Александрович Евтушенко получил Государственную Премию СССР.

Содержание

Сто двадцать ударов.....….4

(В соавторстве с Полиной Лихтшайнхоф) Поезд (Однажды во Франции).....……....12

Повесть о поимании.....26

Шериф.....40

Гнилое море.....50

Поэт и его куратор.....58

Орфис А. Повесть о поимании. — Ганновер:
Семь искусств, 2026—75 страниц
ISBN 978-1-3267-2673-7

© Александр Орфис

Текст печатается в авторской редакции